

ИСЛАМ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ
Ответственный за рубрику: *Музыкаева Е.В.*
© Исламоведение. 2024. Т. 15, № 3 (61)

ISLAM AND WORLDVIEW
Person in charge of the section: *Muzykina Ye. V.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2024. Vol. 15,
no. 3 (61)

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-3-58-78

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

*З. М. Абдулагатов*¹

Введение
Что такое умеренный ислам:
многообразие определений
Исламский либерализм (аль-'исляму
ль-'уруббий) – путь к исламской
умеренности
Умеренность в суннитском
нормативном исламе в России
Результаты социологических
опросов
Заключение

Поступила в редакцию: 03.09.2024
Передана на рецензию: 09.09.2024
Получена рецензия: 23.09.2024
Принята в номер: 24.10.2024

Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности

Институт ИАЭ ДФИЦ РАН; zaid48@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты умеренности в дагестанском исламском сознании. В частности устанавливается, что онтологический фактор исламской умеренности заключается в мирной адаптации мусульманина к меняющимся условиям жизни. Однако, несмотря на то, что он проявляется в поведении верующего, его нельзя считать аутентично исламским, пока не будет поддержки со стороны нормативного ислама. Сравнительный анализ религиозной деятельности носителей исламской нормативности в Дагестане и в других регионах России показывает, что нормативный ислам в Республике Дагестан лишь частично соответствует сформулированным автором критериям умеренности. На основе результатов социологических опросов, проведённых в разные годы в Дагестане, в статье устанавливается, что в «народном» исламе умеренность находит более яркую выраженность, чем в «официальном», характерном для лидеров мусульманской общины. И по этой причине рядовые мусульмане, не обременяя себя строгими требованиями исламской нормативности, легче адаптируются к условиям светского государства.

Ключевые слова: умеренный ислам, традиционный ислам, «народный» ислам, адаптация, салафизм, суфизм.

¹ *Зайд Магомедович Абдулагатов* – заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, доцент, кандидат философских наук.

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-3-58-78

UDC 297

Content of the article

Information about the article

Z. M. Abdulagatov²

Introduction.
What is moderate Islam: a variety of definitions.
Islamic liberalism (*al-'islamu l-'r'ybbiy*) is the path to Islamic moderation
Moderation in Sunni normative Islam in Russia.
The results of sociological surveys.
Conclusion.

Received: 03.09.2024
Submitted for review: 09.09.2024
Review received: 23.09.2024
Accepted for publication: 24.10.2024

Islamic Consciousness in Dagestan: In Search of Moderation

Institute of HAE DFRC RAS; zaid48@mail.ru

Abstract. The article analyzes various aspects of moderation in Dagestan Islamic consciousness, in particular, it is established that the ontological aspect of Islamic moderation consists in the peaceful adaptation of a Muslim to changing living conditions. Although moderation may manifest itself in the behavior of a believer, it cannot be considered authentically Islamic phenomenon, until such behavior finds support in the normative Islam. A comparative analysis of religious activity of the bearers of Islamic normativity in Dagestan and in other regions of Russia demonstrates that normative Islam in the Republic of Dagestan only partially meets the criteria of moderation formulated by the author. Sociological surveys conducted in different years in Dagestan show that Islamic moderation finds a more pronounced expression in “folk” Islam than in the “official” Islam adhered by the leaders of the Muslim community. For this reason, ordinary Muslims, without burdening themselves with strict requirements of Islamic normativity, adapt more easily to the conditions of a secular state.

Keywords: moderate Islam, traditional Islam, “folk” Islam, adaptation, Salafism, Sufism.

Введение

Актуальность темы исследования связана с тем, что уже четверть века вопросы экстремизма и терроризма держат Российское государство, его население в напряжении. Северный Кавказ, и в частности Дагестан, страдают от этих негативных явлений особенно сильно. Старания общества и государства не переломили в корне нежелательное развитие событий. Статистика экстремистской и террористической деятельности в РД показывает, что на сегодняшний день она все ещё имеет высокие показатели. В Перечне организаций и физических лиц, совершивших противоправные деяния религиозно-террористического характера, периодически обновляемом Росфинмониторингом, Дагестан занимает лидирующее положение. Так, по данным Росфинмониторинга, на январь 2023 года дагестанцев в этом Перечне было 12 %³, на сентябрь того же года – 10,0 %⁴. В 2012–2016 годы средний показатель был выше 32 %

² Zaid Magomedovich Abdulagatov – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor, head of the Sociology Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

³ Перечень изменен // Российская газета. 25.01.2023.

⁴ Перечень изменен // Российская газета. 28.09.2023.

(в Татарстане – 1 %), тогда как население республики составляет чуть более 2-х % от общероссийского.

Проблемы экстремизма и терроризма не сводятся лишь к реальным показателям религиозного экстремизма и терроризма мусульман республики. Более сложный аспект проблемы связан с состоянием исламского сознания дагестанцев. После ИГИЛ⁵ религиозные экстремизм и терроризм в республике переживают латентный период: они могут проявить себя в случаях внутрироссийских и международных осложнений в сфере межконфессиональных, государственно-конфессиональных взаимоотношений. Так, 29 октября 2023 г. в аэропорту Махачкалы произошли массовые беспорядки после информации о прибытии самолёта с пассажирами из Израиля⁶. Работа важнейшего аэропорта на самом юге России, имеющего и военное и оборонное значение, была парализована. 23 июня 2024 г. были совершены теракты в городах Махачкала и Дербент: боевики напали на два православных храма, синагогу и пост ДПС. Погибли 22 человека.

Борьба государства с экстремизмом на Северном Кавказе была направлена в основном против конкретных террористов, а не экстремизма как социально-исторического явления, имеющего многообразные истоки и причины. Задачу идеологического противодействия выполнял суфийский ислам, поддерживаемый государством. С суфизмом государство в Дагестане связывает явление умеренного ислама, который по неоднократным заявлениям представителей власти отождествляется с «истинным» исламом. Истоки экстремизма и терроризма в РД властью и суфийским Муфтиятом РД усматриваются исключительно в идеологии салафизма.

Что такое умеренный ислам: многообразие определений

Исследователь М. Асанбеков пишет, что до сих пор в научной среде нет единого понимания предметной направленности термина «умеренный ислам» [1.a.i.4]. Как правило, под исламской умеренностью имеют в виду отсутствие со стороны исламского сообщества силовых, вооружённых действий в отношении иных социальных групп, государства. С точки зрения политиков, это прежде всего ислам, лояльный государству, который вносит свой вклад в укрепление страны. Считать такое определение аутентичным, исходящим из природы самого явления, нет оснований. На это обращают внимание авторы книги «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность» [1.a.i.13]. В действительности умеренное по отношению к власти не означает «умеренное» в его семантике как нечто «серединное», способное к компромиссу. Те же представители «умеренного», т. е. лояльного в отношении государства ислама позволяют себе быть крайне бескомпромиссными, когда речь идёт об альтернативных исламских течениях.

Насколько неудачно определение умеренности через лояльность государству показывает отношение государства к суфизму в России в разные периоды её истории. Мюриэль Эткин писал: «В советское время у исламофобии был свой собственный словарь. В течение многих лет страшный признак ислама вызывали такие ярлыки, как «суфист» и «фанатик». Суфизм с его организациями истово верующих приверженцев ислама вызывал боязнь тайных политических заговоров» [1.a.i.40]. О том же говорит профессор А. Р. Шихсаидов: «По иронии судьбы, к концу 90-х годов, когда «ваххабизм» стал широко распространённым термином, вызывающим страх перед исламской угрозой, «суфизм» начал восприниматься более благосклонно, как

⁵ ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в России.

⁶ О причинах массовых беспорядков в аэропорту единого мнения среди экспертов нет.

умеренная форма ислама, противостоящая радикализму тех, кого считали ваххабитами» [1.a.i.39, с. 115].

Обращает на себя внимание то, что оба автора приведённых цитат делают акцент на лексикологических особенностях определения религиозной угрозы. Это особая «полемическая терминология», «собственный словарь», термины «вызывающие страх».

Подобная стигматизация одних течений в исламе, определение умеренности в других под влиянием государственных интересов происходила в конце XX – начале XXI века на всём Северном Кавказе. Приведем цитаты из двух фетв – решений по вопросу фикха, мусульманского права Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), которые демонстрируют особенности определения умеренности ислама в советский период нашей истории:

1. «Ни при жизни самого пророка, ни во времена его праведных халифов (преемников), которые руководили мусульманами после него, не было мистических течений, не было суфизма, не было мюридов, и, следовательно, не было их атрибутов. Ислам был объявлен совершенной религией еще тогда, когда не было ни суфистов, ни ишанов»⁷.

2. «Зияратами руководят невежественные суеверные шейхи, преследующие свои личные интересы и проповедующие верующим ложные внушения, совершенно несовместимые с учением ислама... Учитывая такое положение, ДУМСК считает посещение зияратов харамом-грехом и запрещает посещать эти места»⁸.

Фетвы подписаны Председателем ДУМСК М. Ч. Геккиевым, его заместителем Магомедовым И. и членом президиума ДУМСК Х. Г. Омаровым⁹.

Ряд исследователей (А. Малашенко, С. Галиуллина, А. Сулейманов, Г. Ниязова, Ю. Баулина) не видят особых различий между понятиями «традиционный ислам» и «умеренный ислам» [1.a.i.12, с. 92]. Но у исследователей нет согласия по поводу того, что такое традиционный ислам. Имеет место как отождествление традиционного ислама исключительно с суннитским, так и признание таковым лишь одного или ряда течений. Для современного дагестанского исламского сознания традиционным принято считать суфийское духовное учение и практику, хотя салафитское направление в дагестанском исламе существует, по крайней мере, с XVII века [1.a.i.16]. Оно активно проявляло себя в начале XX века [1.a.i.20, с. 216].

Резонансным событием в отношении понятия «традиционный ислам», который отождествлялся с умеренным, было принятие в августе 2016 года «Грозненской фетвы» в ходе проведения международной богословской конференции «Последователи Сунны: кто они?» частью мусульманских лидеров России и зарубежья¹⁰. В фетве (в заключении) богословы попытались дать определение традиционному исламу, что важно по разным причинам. В частности, и исламские лидеры, и власть с традиционным исламом связывают умеренность исламского поведения и, как

⁷ Фетва Духовного управления мусульман Северного Кавказа «О несовместимости «мюридизма» с основными догмами учений исламского шариата». – Махачкала. 20 июня 1986 г.

⁸ Фетва Духовного управления мусульман Северного Кавказа. «Посещение святых мест». – Махачкала. 20 июня 1986 г.

⁹ Тексты фетв из личного архива заведующего центром изучения центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН В. О. Бобровникова. У автора имеются сканированные копии этих фетв.

¹⁰ Грозненская фетва. – URL: https://www.ng.ru/faith/2016-12-29/11_6897_islam.html (дата обращения: 25.09.2022).

следствие, возможность через неё проводить исламские социализационные процессы, способствующие профилактике религиозного экстремизма и терроризма.

Фетва приводит список «неправильных мусульман». Это одна из причин, по которой она подверглась жёсткой критике со стороны мусульман России. Текст фетвы указывает на то, что именно следование суфийским наставникам является главным критерием, определяющим «полноценного» мусульманина-суннита [1.a.i.9]. Список «неправильных мусульман» открыт, и в него можно внести суннитских модернистов, джаидов. В тексте фетвы говорится, что документ обязателен для исполнения всеми мусульманами России. Этот пункт вызвал резкую критику со стороны руководства Совета муфтиев России (СМР), который обвинил авторов фетвы в попытке узурпации власти в российском исламе. В СМР заявили, что действующую редакцию фетвы они принять не могут, поскольку она «несет угрозу межнациональным и межрелигиозным отношениям» в России, т. е. по сути противоречит умеренности. В ответ на «Грозненскую фетву» СМР 21 октября 2016 года опубликовал свою фетву, в которой было выражено несогласие с подобным определением традиционности в исламе¹¹.

Ввиду указанных обстоятельств отождествление «традиционного ислама» и «ислама умеренного» представляется неправомерным.

Есть позиция, согласно которой умеренность в исламе, как и радикализм, связана с определенными течениями [1.a.i.5]. Как правило, радикальные направления в исламе связывают с ваххабизмом, маликитским мазхабом, хариджитами.

Мухаммад Икбал, известный исламский философ индо-пакистанского происхождения, считает наиболее предрасположенным и способным к адаптации к новым общественным условиям среди суннитских мазхабов ханафитский мазхаб. По его мнению, школа Абу Ханифа «обладает гораздо большей способностью к творческой адаптации, чем какая-либо иная школа мусульманского права» [1.a.i.23, с. 165]. Это утверждение основано на том, что в данном мазхабе, в отличие от других, широко применяются принципы разума, рациональные методы исламского познания.

Эксперты усматривают умеренность и в таком течении в суннизме, как салафизм. Так, М. Я. Яхьяев, рассматривая исламскую умеренность относительно салафитской деятельности, существенным в концепции умеренного салафизма считает «перенос акцента с теологических вопросов на социально-экономические и политические аспекты жизни и поведения мусульман» [1.a.i.43, с. 300]. Нередко корни исламского экстремизма и терроризма исследователи усматривают в религиозной интерпретации причин экономического неблагополучия мусульманами. Акцент мусульманской мысли на политических аспектах жизни как показатель умеренности также проблематичен¹². Тем не менее, умеренность имеет место в отдельных проявлениях салафитского ислама. Вопрос в том, каковы характеристики такого салафизма. Как считает З. И. Левин, есть салафизм консервативный, «охранительный», но есть салафизм модернистский, реформаторский, склонный к идеям либерализма [1.a.i.18, с. 98, 104, 118, 120].

В отличие от других исследователей, занятых определением умеренности в исламе, А. В. Полосин делает акцент на её богословских основаниях. Он справедливо приводит множество цитат из Корана, утверждающих умеренность (аль-вассатья) в исламе [1.a.i.28, с. 237–240]. Но в той же мере Кораном можно обосновать и противоположную точку зрения. Как справедливо пишет известный исламовед Тауфик

¹¹ Совет муфтиев РФ издал фетву (позицию) об истинных мусульманах. – [URL: https://uz.sputniknews.ru/20161026/sovets-muftiev-rf-3980354.html](https://uz.sputniknews.ru/20161026/sovets-muftiev-rf-3980354.html) (дата обращения: 26.02.2023).

¹² [Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ \(ред. от 24.07.2023\) «О политических партиях»](#). Ст. 9, п. 3.

Ибрагим, «в исламе, равно как и в любой другой религии (иудаизме, христианстве), можно найти оправдание насилию, причём на уровне первоисточников этих религий» [1.a.i.33, с.283]. М. З. Ражбадинов усматривает умеренность в исламе в отходе от практики жесткого такфиризма – обвинения в неверии, которое является ключевым в конфликте салафизма и суфизма, религии и государства, в отказе от практики насилия, в реализации этого принципа в межконфессиональных взаимоотношениях [1.a.i.29, с. 405]. Х. Рафаэль считает, что умеренность в исламе связана с ориентацией мусульман на мекканские аяты Корана, где они, в отличие от мединских, обращены ко всему человечеству. Проблема в том, смогут ли мекканские аяты, как более ранние, быть для исламского сознания более убедительными, чем мединские. Он считает, что «ислам должен указать путь прогресса» [1.a.i.35, с. 22], который связан с новыми, соответствующими времени интерпретациями Корана [1.a.i.35, с. 44], с реализацией идей исламского рационализма [1.a.i.35, с. 51] и признанием прав разума в исламской адаптации к миру.

Широко распространённой, особенно в среде исламских лидеров, представителей нормативного ислама, является позиция, утверждающая, что понятие «умеренный ислам» – надуманное, искусственно введённое в религиозный, политический дискурс. С этой точки зрения «основой „умеренного ислама“ должен стать уход от многих параметров шариата в угоду тем самым правам человека со всеми присущими этому понятию тонкостями» [1.a.i.6].

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что ислам не может быть умеренным или неумеренным, «ислам может быть только одним»¹³. Это утверждение не согласуется с текстом Корана. Согласно одному из его аятов ислам может быть только умеренным: «...объединили Мы вас в умеренной общине религиозной...» [1.a.i.15, 2:143]. По свидетельству переводчика Корана М.-Н. О. Османова, «все комментаторы единодушно считают, что речь идёт о тех, кто не придерживается крайних взглядов» [1.a.i.15, с. 639]. Отсюда следует вывод, что умеренность в исламе – не явление, несоответствующее его сущности, не нововведение, как говорят об этом отдельные исламские лидеры. Характеристики умеренности имеют объективное историческое содержание и не являются исключительным достоянием только одного направления в исламе.

Исламский либерализм (аль-'исляму ль-'урӯббий) – путь к исламской умеренности

Краткий анализ различных подходов к характеристике умеренности в исламе приводит к выводу, что она должна решить проблему соотношения традиционного и нового признанием необходимости отхода от крайнего консерватизма, принятием соответствующих времени изменений в исламском сознании и поведении. Это новое так или иначе связывается с проявлениями религиозного либерализма. Данный ключевой момент для исламской мысли современности был обозначен Мухаммадом Икбалом как «самый критический»: «Мы от всей души приветствуем либеральное движение в исламе. Тем не менее, следует признать, что появление в нем либеральных идей составляет одновременно и самый критический момент в мусульманской истории» [1.a.i.23, с. 154]. Эта критичность, обусловленная проникновением либеральных идей в сферу исламского сознания, была и остаётся камнем преткновения в решении проблем его умеренности. Как сочетать исламскую традицию с неизбежностью нововведений – главный вопрос исламской умеренности. Инструментом решения проблемы остаётся исламская реформа, адаптирующая

¹³ Эрдоган выступил против умеренного ислама. – [URL: https://lenta.ru/news/2017/11/10/erdogan/](https://lenta.ru/news/2017/11/10/erdogan/) (дата обращения: 20.01.2022).

мусульман к новым социальным условиям. Реформаторская деятельность в исламе, как и специфика ее содержания, неодинаково проявляется в историческом процессе и имеет разные научные объяснения.

М. Т. Степанянц характеризует реформаторский тип религиозного сознания как наиболее свойственный «мусульманской» буржуазии, т. е. правящему классу большинства исламских стран. Она усматривает научную задачу в анализе реформированного исламского вероучения с этой точки зрения и придаёт первостепенное значение исследованию «обуржуазившегося» традиционного вероучения, которое адаптирует мусульман к новым общественным отношениям [1.a.i.30, с. 10–11].

Исследователь З. И. Левин рассматривает проблему исламского реформаторства шире. Он не акцентирует внимание исключительно на деятельности «мусульманской» буржуазии, т. е. правящего класса большинства исламских страна, а считает, что «влияние среды на состояние общества и механизм трансформации религиозного сознания – это главный предмет исследования проблемы реформы в исламе» [1.a.i.18, с. 21]. По его мнению, высочайшая социальная значимость религии делает её зависимой от социальных условий жизни. Эти изменения начинаются с перемен в жизни рядового верующего, точнее, с его реакции на перемены в жизни общества. Они не всегда соответствуют религиозной нормативности, приобретают массовый характер и, как следствие, требуют от духовных лидеров внедрения новых явлений в систему религиозно санкционированных ценностей [1.a.i.18, с. 32]. То есть речь идет об исламской адаптации вообще, а не только о коренных изменениях в общественных отношениях. По большому счёту – это реализация идей исламского либерализма в жизни рядовых верующих. По оценке А. Юзеева, религиозно-философское течение джадидизма, характерной чертой которого является мирная адаптация мусульман к условиям современности, «нельзя считать самостоятельным явлением – оно часть, сторона реформаторства и просветительства в их широком понимании, часть теологического либерализма, а не отдельное и специфическое направление, а тем более сугубо татарское» [1.a.i.8]. Тем самым суть реформаторства в исламе усматривается в теологическом либерализме, который не обязательно связан с мелкобуржуазными, буржуазными преобразованиями.

Теологический либерализм можно рассматривать как суть, общее содержание реформ в исламском сознании. При этом под реформой понимаются изменения прогрессивного характера, адекватно адаптирующие поведение мусульман к социальным преобразованиям в обществе.

Теологический либерализм имеет своим истоком различия и противоречия между двумя вероучительными течениями в исламе: «асхаб ал-хадис» (приверженцы слепого следования традиции) и «асхаб ар-Рай» (допускавшие использование рационалистического метода). Приверженцы мнения допускали использование прав разума, логики, аргументов в обосновании положений веры и религиозного поведения, для введения в ислам новшеств, не противоречащих вере. Метод ар-Ра'й (мнение), соответствующий духу ислама, был «разрешен Пророком Мухаммадом, применялся сподвижниками» [1.a.i.2].

Мазхабы, которые признали метод ар-Ра'й, разошлись в его определении. В шафиитском мазхабе, господствующем в Дагестане, этот метод используется в ограниченном варианте и связывается с методом аналогии (кьяс). Широкое применение в российском исламском пространстве ар-Ра'й находит в ханафитском мазхабе, распространённом главным образом в Среднем Поволжье. В частности, имеет место применение особого метода Истислах, когда при введении новшества прямая

ссылка или ссылка по аналогии (кыяс) на Коран или хадис невозможны. При этом не допускаются противоречия с исламской нормативностью. Истислах – это стремление к пользе, когда невозможно прямо вывести предписание из основных источников исламского права. Истислах является важным инструментом развития исламского права, учитывающим потребности современного исламского общества. Это есть своеобразное проявление исламского либерализма. Неслучайно реформаторское движение джадидов исторически появилось в регионе с ханафитским исламским сознанием, где допускается применение метода Истислах.

Теологический либерализм в своих общих характеристиках придерживается позиций антропоцентризма, доверия к разуму, срединного пути между вечным и временным, верой и разумом, религией и культурой, традицией и новаторством¹⁴. Исламский либерализм рассматривается как проявление этих качеств в их специфической определённости. Это «своеобразная стратегия интеграции и адаптации мусульман»[1.a.i.14, с. 198].

Автор исходит из того, что главный вопрос умеренности религиозного сознания так или иначе связан с его способностью вписаться в развивающийся, изменяющийся общественный процесс. То есть это проблема исламской адаптации к современности независимо от особенностей многочисленных его направлений. Умеренный ислам – не только ислам, который не приемлет насильственные методы в реализации своих религиозно-мировоззренческих, нормативных установок, но и необходимая, хоть и недостаточная характеристика умеренности. Умеренный ислам – это ислам, активно развивающийся в направлении исламской ассимиляции прогрессивных общественных явлений; не мирное «молчание в тряпочку», а активный диалог с миром, усвоение нового мира в исламских терминах, соответствующих времени. Вписаться в мир не будучи «переваренным» временем, с сохранением основных позиций в системе исламских ценностей – главная проблема исламской умеренности. В разной степени выраженности она имеет место для всех направлений исламской мысли. В частности, эта проблема актуальна для условий Дагестана как в отношении салафитов, так и в отношении традиционного ислама, каковым в Дагестане считают суфизм.

Стихийная адаптация «народного» ислама к современности, так же, как и проявление лояльности исламских лидеров к государственной системе, её политике, сама по себе не носит исламского характера. Это онтология исламской умеренности, не имеющая исламской аутентичности. Исламская умеренность аутентична, когда мусульманское сознание обосновало через основополагающие исламские тексты, принципы, методы, термины исламский характер такого социального поведения, когда создала исламский образ новой социальной реальности в логике исламских понятий. Аутентичность умеренности предполагает исламский познавательный процесс, т. е. имеет гносеологический аспект.

Это определение более точное ввиду его общности, и его принятие не предполагает отрицания целесообразности, полезности иных, частных его дефиниций. Так, умеренность, определяемая соображениями политической целесообразности исламского поведения в государстве, не является её полной характеристикой. Несмотря на это, данное определение существенно для стабильности отдельного региона, государства, хотя эта политическая целесообразность может меняться в зависимости от государственных интересов. При этом, как правило, обостряются межконфессиональные проблемы. Или определение исламской умеренности, данное Мухаммадом Икбалом, о котором тоже говорилось выше. Оно является

¹⁴ Либеральная теология. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/2463645.html> (дата обращения: 02.10.2023).

конфессиональным определением, опирающимся на конкретные характеристики наиболее распространённого из суннитских мазхабов.

Социологическое определение умеренности не может быть сведено полностью ни к одному из них. Социолога религиозное сознание интересует главным образом в аспекте его влияния на социальное поведение. Умеренность этого поведения, соответствующего общественным интересам, есть показатель умеренности исламского сознания. Определив набор индикаторов, которые выбраны как показатели исламской умеренности, а также отношение верующих к этим индикаторам, можно говорить об умеренности или неумеренности исламского сознания исследуемой группы мусульман. Такой подход эмпиричен и сводит общее «философское» определение к социологически измеряемым, наблюдаемым явлениям.

Сформулируем ряд требований, которые на эмпирическом уровне определяют умеренное исламское сознание:

1. Отказ от джихада как идеологии религиозной войны в светском государстве. Речь идёт прежде всего об исламском сознании в Дагестане.

2. Позитивное отношение к иджтихаду, к усердию в вынесении правовых решений на основе принятых в исламе рациональных (основанных на разуме) методов адаптации к социальной среде. В частности, это право применять методологию, не основывающую свои выводы на главных исламских текстах – Коране, Сунне (Истислах), не противоречащую основополагающим исламским текстам.

3. Признание местных этнических традиций, ставших в ходе исторического процесса неотъемлемой составной частью общественной жизни населения региона и не имеющих явных противоречий с основополагающими принципами веры, соответствующими нормам исламского вероисповедания.

4. Решать возникающие проблемы в соответствии с религиозными традициями региона. Никакие нормы, принятые, например, в Саудовской Аравии, но традиционно не имевшие место в регионе, не должны вноситься в Дагестан как «истинно исламские»: в частности, никабы, хиджабы, многоженство¹⁵ и т. д., которых в истории Дагестана не было и которые вносят в регион напряжённость, смуту, убийства на почве стремления к «истинному» исламу.

5. Не применять такфир (куфр, обвинение в неверии) при существующих разногласиях богословского и правового характера в практике взаимоотношений между различными исламскими конфессиями, течениями, вывести из сферы акиды в сферу исламских богословских, правовых дискуссий, т. е. в сферу фикха.

6. Умеренность мусульманина в отношении светских законов. Она заключается в том, что, признавая сакральные «законы Аллаха» выше светских, «придуманных людьми», необходимо следовать законам государства проживания, чтобы избежать конфликтов (фитны).

7. Исламская политическая деятельность должна вестись исключительно мирными способами, разрешёнными законами государства проживания мусульман. Например, участием мусульман в парламентской деятельности, без формирования исламских партий, неформальных политических группировок.

8. Мусульмане не должны ставить целью построение исламского государства или исламского анклава, проживая в светском государстве.

9. Содействие экономическому процветанию страны.

10. Исламская умеренность не должна противоречить этническому, государственному патриотизму.

¹⁵ Ни в советское, ни в досоветское время многоженство в Дагестане не одобрялось.

Этот перечень нельзя считать полным. Например, умеренность в вопросах гендерных взаимоотношений может проявиться в уравнивании прав женщин и мужчин, как это было определено в мекканских аятах Корана. Женщина должна иметь право на равное с мужчинами наследство, свидетельство и т. д. Египетский реформатор ислама Мухаммад Абдо (1849–1905) издал фетву, разрешающую мусульманам получать проценты по банковским вкладам, что ранее было запрещено как ростовщичество [22, с. 8]. Он осуждал взимание процента в финансовых взаимоотношениях между отдельными людьми, поскольку считал, что здесь имеет место эксплуатация человека человеком. Эксплуатировать сам капитал через банки он считал возможным. Это был вызов исламской онтологии: обычному исламскому социальному поведению, традиционному исламскому социальному пространству.

Нужно признать, что доля исламских лидеров, признающих приведённые характеристики умеренности приемлемыми для современного исламского сознания, будет небольшой. Распространённость исламизма как радикального направления будет зависеть и от регионов, и от направлений исламской мысли, что говорит о разнообразии адаптационных стратегий исламской мысли к современности. Как считает известный переводчик Корана Э. Кулиев: «В одних странах идеи реформаторского ислама находят большую поддержку, в других меньшую. Но в целом, конечно же, преобладают традиционалисты» [1.a.i.17], т. е. консерваторы. Эта мысль в более жёсткой форме продолжается у известного исследователя А. В. Малашенко: «Более заметны на поверхности политической жизни, как на национальном, так и в мировом масштабах, экстремисты» [1.a.i.19, с. 443]. Исламский радикализм и умеренный ислам всегда имели место в исламе в разной степени выраженности, они и далее будут сосуществовать, выполняя различные задачи исламского бытия.

Умеренность в суннитском нормативном исламе в России

Под нормативным исламом в данном тексте понимаются исламское сознание и поведение, находящиеся в соответствии с положениями Корана и Сунны. Носителями такого сознания, как правило, являются исламские лидеры – муфтии, теологи, имамы, другие служители мусульманского культа, а также учащиеся, студенты исламских учебных заведений различного уровня. Если обратиться к исламу в Дагестане, то основная масса верующих в республике (около 90 %) – шафииты. Шафиизм рассматривается как достаточно консервативное явление в исламе, примыкающее к салафизму [1.a.i.33, с.204]. Данное обстоятельство свидетельствует не в пользу умеренности шафиитского нормативного исламского сознания в Дагестане, носителями которого прежде всего являются мусульманские лидеры ислама республики. Это особенно касается салафитских лидеров, которые вели свою религиозную деятельность в прошлом, ведут её и в современном Дагестане: шафиитский ислам в республике в настоящее время имеет свои салафитские мечети. Характерным для представителей современного нормативного ислама в Дагестане является жёсткая критика принципа ар-Ра'й, идей джадидизма, которая высказывается не только салафитами, называемыми в республике «ваххабитами». Критики идеи джадидизма утверждают, что «исламские нормы, пришедшие к нам через пророка Мухаммада от Аллаха, не могут иметь исторический характер» [1.a.i.24]. Эта точка зрения нашла поддержку в Духовном управлении мусульман Дагестана (ДУМД) в лице заместителя муфтия [1.a.i.31].

Однозначно определять салафизм и салафитов как явления исламского консервативизма было бы несправедливо. Имеет место салафизм не только консервативный, но и реформаторский, обновленческий. Религиозная реформа Ш.

Марджани (1818–1889), одного из основоположников джадидизма, основывается на следующем:

1) таклид (следование догмам, авторитету какого-либо мазхаба) должен быть полностью искоренен;

2) мусульмане должны вернуться к основам мусульманской веры и мусульманской культуры эпохи Мухаммада [1.a.i.25, с. 121].

Приведенные пункты без каких-либо изменений являются общим местом для салафизма вообще. На этой основе было бы ошибочно рассматривать салафизм «ваххабитов» на Северном Кавказе и салафизм джадидский как явления в сущности тождественные. Это различные исламские траектории, которые в фокусе исламских интересов пересеклись в истоках исламской истории и далее идут в различных направлениях. Если ваххабиты не признавали иджитihad родоначальников четырех мазхабов, то не для того, чтобы давать новые, соответствующие времени толкования Корана и Сунны. Наоборот, для них важна санкционированная Кораном архаизация религиозной и общественной жизни. Джадиды, в отличие от ваххабитов, отрицают иджитihad четырех родоначальников суннитских мазхабов не для того, чтобы исключить из жизни новые явления, а для широкого вовлечения их в жизнь мусульман через процедуры исламского санкционирования – иджитihad.

В истории Дагестана были зачатки умеренного ислама, определяемые такими именами, как Али Каяев (1878–1943), и Абусуфьян Акаев (1872–1931). Али Каяев, который в начале XX века (1905–1907 гг.) учился в известнейшем исламском университете Аль-Азхар (Каир), имел тесные контакты с Рашидом Рида (1865–1935) – известным египетским реформатором ислама. По оценке представителей современного «традиционного» (суфийского) ислама в РД А. Каяев распространял «еретические идеи». Они считают, что А. Каяев является первым дагестанским ваххабитом [1.a.i.27]. В действительности, он разрушал несоответствующие времени исламские традиции, в частности говорил о необходимости широкого внедрения светских знаний в систему исламского образования. Призывая к «абсолютному иджитihadу», он говорил о необходимости смело изучать Коран и Сунну и выводить из них заповеди в соответствии с требованиями времени [1.a.i.1].

Исследователи обратили внимание на появление идеологии умеренного салафизма в РД в конце прошлого века, лидером которого был А.-К. Ахтаев [1.a.i.3, с. 330–361]. Но она не получила своего развития. Как показало время, последователи Ахтаева в известных событиях 1999 года в РД (вторжение бандформирований в Дагестан со стороны Чечни) оказались на стороне радикальных салафитов.

Является ли традиционный ислам в Дагестане умеренным? Отвечая на этот вопрос, нужно исходить, во-первых, из того, что салафитское сознание является для дагестанцев не менее традиционным, чем суфийское [1.a.i.38], а во-вторых, что традиционализм как отрицание салафизма не является достаточным критерием умеренности исламского сознания и поведения. Востоковед В. В. Наумкин, пишет, что «не всегда ведущие вооруженную борьбу под лозунгами джихада, в том числе и с использованием террористических методов, являются салафитами» [1.a.i.26, с.3]. Это ещё раз подтверждает то, что вопрос об умеренности в исламе есть вопрос о его бесконфликтной, творческой конфессиональной и социальной адаптации к современности, независимо от того, о каких исламских течениях и толках идет речь. Умеренность в исламе есть исламский проект современности. Эта характеристика становится особенно важной в отношении исламского сознания, функционирующего в светском государстве.

Однозначно определять лицо современного официального, суфийского ислама в республике как умеренное было бы ошибочно.

Во-первых, суфизм Дагестана в лице Муфтият РД использует идеологию жёсткого такфиризма – обвинения в неверии в отношении салафизма вообще – радикального и умеренного, в результате чего «ваххабиты» не признаются мусульманами. В одном из своих публичных выступлений покойный муфтий Дагестана Саид Мухаммад Абубакаров заявил: «Тот, кого убил ваххабит, попадет в рай. Тот, кто убил ваххабита, тоже попадет в рай». Почти то же самое говорит нынешний муфтий РД Ахмад-хаджи Абдуллаев: «Ваххабитов может исправить только пуля» [1.a.i.42, с.9].

Как следствие, конфликт между двумя традиционными направлениями в исламе продолжается. Незадолго до своей смерти духовный лидер мусульман Дагестана Саид-Афанди Чиркейский (Ацаев) выступил против диалога с «ваххабитами»¹⁶. Такфиризм нередко бывает обращён против не только «ваххабитов», но и не согласных с политикой Муфтията [1.a.i.37; 1.a.i.11]. Объективно оценил конфликт в 1999 году в Дагестане Председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин: «Я думаю, Духовное управление мусульман Дагестана несет определенную ответственность за события, которые сейчас происходят на его территории»¹⁷. Такфиризм как инструмент религиозно-политической деятельности есть один из показателей неумеренности исламского сознания в современном Дагестане.

Во-вторых, на почве тарикатского (суфийского) консерватизма появляются мусульмане, в том числе и мусульманские лидеры, с радикальными исламскими взглядами. Исследователи заметили, что в военных событиях в Чечне в 90-е годы прошлого века плечом к плечу оказались «ваххабиты» и «традиционные» суфии [1.a.i.36, с. 164]. В своё время муфтий ЧР А. Д. Шамаев, министр МВД РД А. Магомедтагиров и другие неоднократно заявляли о том, что вербовка в «ваххабиты» идет в основном в тарикатских, суфийских мечетях. Эта работа велась главным образом с молодёжью.

В-третьих, в изданиях под грифом «Муфтият Республики Дагестан» читаем: «Дагестан является территорией Ислама, а значит, на неё должны распространяться законы территории ислама, а её правители должны стремиться к применению норм Шариата»¹⁸. «Вы обязаны жить по Шариату <...> соблюдение законов, не противоречащих Шариату <...> Служение Родине с тем, чтобы такой патриотизм не противоречил религиозной преданности в рамках достижения блага» [1.a.i.21, с. 47]. Такого рода наставления не согласуются с требованием к умеренности как следование мусульманина законам государства проживания.

В-четвертых, Муфтият РД излишне интегрирован с госструктурами, что нарушает принцип разделения светской и религиозной власти. Муфтиятом было заявлено, что русскоязычные переводы Корана востоковеда с мировым именем И. Ю. Крачковского, лауреатов государственной премии РФ М.-Н. О. Османова, В. Пороховой, труды других талантливых авторов входят в разряд «ваххабитских»¹⁹. Они изымались из торговой сети. Клерикализм в РД проявил себя и в том, что многие государственные служащие, в том числе и высокого ранга, входят в суфийские

¹⁶ Незадолго до гибели духовный лидер мусульман Дагестана выступил против диалога с ваххабитами – жена муфтия республики. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=47516> (дата обращения: 14.03.2021).

¹⁷ В Дагестане началась братоубийственная война // НГ – Религии. № 17. 08.09.1999.

¹⁸ Фетва о приемлемости термина *дар ас-салам ва ль-ислам* к Дагестану и подобным ему областям. – URL: <http://www.Kavkaz-uzel.ru/articles/21435/> (дата обращения: 03.11.2014).

¹⁹ Обращение-предупреждение к продавцам и распространителям печатной продукции // Газ. «Ас-Салам». 2004. Апрель, № 7 (212).

братства. Покойный исламский деятель Саид Афанди Чиркейский в интервью известному в республике журналисту Б. Узунаеву, сообщает, что «всё Правительство Дагестана – его мюриды» [1.a.i.34], т. е. послушники. Ни один представитель Правительства РД не выразил протеста по этому поводу.

Результаты социологических опросов

Показатели умеренности исламского сознания рядовых верующих рассматривались через понятие «народный» ислам. Глобализационные процессы, необходимость адаптации к новым условиям ставят перед рядовым мусульманином сложные задачи, ответы на которые современный нормативный ислам в Дагестане не даёт. В «народном» исламе, в его социологическом измерении мы наблюдаем ислам, подверженный влиянию не только исторических традиций, но и современных явлений общественной жизни. Умеренность в «народном» исламе есть показатель степени мирной, либеральной религиозной адаптации рядовых мусульман к условиям современной общественной и государственной жизни. Речь идет прежде всего о признании ими общественно и государственно важных правовых, культурных, нравственных и других светских ценностей, которые служат основой этой адаптации. Как принято в умеренном ортодоксальном исламском сознании, мусульманин не может ни при каких обстоятельствах считать, что нормы ислама второстепенны относительно норм светских, но при этом подчинение требованиям государства, светского закона считается допустимым и необходимым [1.a.i.2]. Это один из важных показателей умеренности исламского сознания.

Одной из самых сложных и дискуссионных проблем современных конфессионально-государственных отношений является включенность религиозных структур в политические процессы, происходящие в стране. Госдума РФ в 2001 году приняла закон о политических партиях, согласно которому нельзя создавать политические партии по религиозной принадлежности. Тем не менее, неформально политическая деятельность религиозных организаций и объединений в Дагестане имеет место [1.a.i.11; 1.a.i.20, с. 216; 1.a.i.41, с. 285].

Политическая деятельность религиозных организаций является одним из показателей неумеренности исламского поведения.

1. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, допустима ли политическая деятельность для церкви (мечети, духовного управления)?»²⁰. По данным опроса, 62,3 % опрошенных мусульман РД отнесли отрицательно к политической деятельности религиозных организаций (неверующие – 78,3 %). Причём старшее поколение отнеслось к такого рода деятельности более отрицательно. Положительно отнеслись 26,3 % опрошенных верующих (неверующие – 9,8 %). Как показали результаты опроса, общественное мнение в целом не поддерживает стремление к политической деятельности ни религиозных организаций, ни отдельных духовных лиц, занимающихся политикой в частном порядке. Этот опрос был проведён в 2002 г.

²⁰ Общее число опрошенных в РД составляет 460 чел. Выборка случайная, многоступенчатая. Максимально возможная ошибка выборки – 4,7 %. В горной зоне опрос проводился в Чародинском, Цумадинском, Левашинском, Унцукульском, Лакском районах. В предгорье – в Буйнакском, Новолакском и Казбековском районах. На равнине – в Каякентском, Ногайском сельских районах и в городах Махачкале, Дербенте.

Аналогичный опрос, проведённый в 2018 году среди читателей газеты «Ас-Салам»²¹, подтвердил негативное отношение верующих к исламской политической деятельности. Рубрика «Политика» среди читательских интересов оказалась на предпоследнем, 25-м месте. Её одобрили всего 4,1 % опрошенных. Рядовые верующие в основной массе хотят видеть в религии духовную опору, а не политическую силу.

2. На вопрос: «Как Вы считаете, снизится ли уровень конфликтности на Северном Кавказе, если народы, исповедующие ислам, перейдут от светских законов к нормам шариата?» Ответ «да» выбрали только 20 % опрошенных. Среди молодежи РД – 32,0 %.

3. В свое время ДУМД ставило задачу исламизации Дагестана легальными методами – через выборы в Народное собрание «61 достойного депутата из 121», чтобы они, как говорил покойный муфтий РД С. Абубакаров, мирно решали проблему «исламской направленности» Дагестана²². По данным социологического опроса, в исламской Республике Дагестан желают жить 18,2 % опрошенных. Не желают – 76,6 %. Среди опрошенных на равнинном Дагестане не желающих жить в шариатском государстве оказалось 87,9 %.

4. В целом по всем возрастным группам опроса религиозность как необходимый показатель нравственности отметили 16,8 % опрошенных. Это один из показателей умеренности рядового мусульманина в отношении к нормам светской жизни. «Нравственным может быть только верующий человек», – считают 100 % духовных лиц²³ из числа молодежи (возраст до 30 лет). Эта позиция находится в полном соответствии с основополагающим исламским сакральным текстом [1.a.i.15:1.a.i.2:1.a.i.17].

5. По данным опроса²⁴, среди духовных лиц РД 100 % опрошенных считают, что ислам со временем не должен подвергаться каким-либо изменениям. Преподаватели исламских учебных заведений, учащиеся медресе по данному показателю также дали нулевой результат «умеренности». У студентов исламского вуза показатель необходимости адаптации религии к современным условиям оказался равным 2,9 %. В опросе, проведённом в 2016 году в исламских учебных заведениях Республики Дагестан, 91,1 % респондентов заявили о том, что «ислам не должен меняться, даже если общественная жизнь меняется». У рядовых верующих по опросам разных лет этот показатель держался на уровне 50 %. Последовательный вербальный религиозный консерватизм в зависимости от заданных вопросов показали от 20 до 30 % выборки в различных опросах населения.

6. Жить с человеком русской национальности в определённых условиях (рядом нет представителя своего этноса) в начале 90-х годов прошлого века изъявили желание от 40 до 50 % представителей дагестанских народностей. Проживание с представителем дагестанского этноса допускают 4–8 %. К 2016 году желающих жить с русской национальности убавилось до 14,4 % в общей выборке. Среди учащихся, студентов исламских учебных заведений, представляющих исламскую нормативность, не

²¹ Тираж газеты в 2022 г. составил 245 500 экз. Из этого числа в Дагестане распространяются 68 тыс. экз, что многократно больше, чем общий тираж всех печатных СМИ республики.

²² «Ас-Салам». 1998. Июль, № 13 (77).

²³ В исламе нет духовенства как такового. В данном случае имеются в виду представители муфтията, имамы, их помощники, лица, обучающие граждан исламским наукам и др. То есть те, кто являются носителями исламского нормативного сознания, формирующими исламское сознание населения.

²⁴ Выборка – 574 респондента. По возрасту: от 15 до 18 лет – 35,2 %, от 18 до 25 лет – 48,2 %, от 25 до 30 лет – 16,6 %. Верующие – 94,3 %. Максимальная ошибка выборки – 4,1 %. Опрос 2016 г.

оказалось никого, кто бы изъявил желание жить в данных условиях с представителем русского народа²⁵.

Заключение

1. Установка на умеренность как существенная характеристика исламской общины определена в Коране. Умеренность в исламе не есть явление, несоответствующее его сущности. Она не нововведение, как об этом говорят богословы и исламские лидеры не только консервативного направления салафитского течения в исламе, но и исламского консервативизма вообще, который имеет место и в так называемом традиционном исламе.

2. Структура религиозной умеренности мусульманина имеет по меньшей мере три взаимосвязанных составляющих: онтологическое, гносеологическое и аутентичное. Онтология исламской умеренности есть практическая, реализованная в повседневности, в ближайшем бытии адаптация к современности представителя «народного» ислама, исламских лидеров, к меняющейся светской общественной жизни, к государственной нормативной системе. Как правило, это стихийное, не санкционированное изменениями в исламской нормативности, не закреплённое в исламском словаре проявление лояльности государству, некритическое подчинение интересам его политики, принятие правил светской жизни.

3. Сама по себе эта «онтологичность» не имеет исламского характера, она ещё не говорит о религиозной аутентичности умеренности. Гносеологический аспект исламской умеренности предполагает адаптацию мусульманина к современности через решение различных религиозных проблем на основании Корана и Сунны применением методологических норм иджтихада. Это исламское освоение новой социальной реальности приданием исламского правового статуса новым явлениям в социальном поведении верующих. Гносеологическая сторона умеренности является необходимой в формировании её исламской аутентичности. Онтологические и гносеологические аспекты умеренности относительно самостоятельны, а потому могут не соответствовать друг другу. Их соответствие, успешно адаптирующее мусульман к условиям современности, определяет аутентичный характер умеренности в исламе. Аутентичная исламская умеренность есть мирная адаптация к современности через логику исламских понятий.

4. Вопрос об умеренности российского ислама есть вопрос о степени бесконфликтной, мирной, творческой адаптации мусульманина к условиям светского государства, к новым явлениям общественной и государственной жизни. При этом умеренный ислам – это ислам, «переваривший» время, сделавший собственным достоянием новые явления общественной жизни, которые жизненно необходимы человеку. Проблема в том, что ассимиляция нового имеет склонность подвергаться к эрозии основы ислама. Ислам умеренный одновременно должен сохранять свои основополагающие консервативные составляющие, иначе он превращается в ислам, «переваренный» временем. Без успешного диалектического разрешения этого противоречия умеренный ислам невозможен. В современной России теологов такого уровня нет. В дагестанском исламском сознании такая задача и не ставится.

5. Умеренность в исламе есть реализация идей религиозного либерализма, основанного на принципах исламского антропоцентризма. Несмотря на то, что религия

²⁵ Опрос проведен в мае – сентябре 2016 г. среди учащихся и студентов пяти исламских высших учебных заведений и пяти средних учебных заведений РД. Выборка – 395 респондентов. Выборка случайная. Генеральная совокупность – 5000 человек. Максимально возможная ошибка выборки – 4,8 %.

в любых её проявлениях есть главным образом теоцентризм, ислам имеет в своём содержании антропоцентристские составляющие, которые могут быть актуализированы. При этом во главу угла должны ставиться интересы рядового верующего, решающего сложные жизненные проблемы.

6. Принятие за общее определение исламской умеренности. Ислам, вносящий свой вклад в укрепление страны, лояльный государству, не имеет достаточных религиозных оснований. Оно не аутентично исламское, в большей степени выражает политические взаимоотношения государства и отдельной конфессии на данный исторический момент, не вытекает из религиозных особенностей и характеристик исламского течения. Как следствие, такая умеренность сопровождается усилением напряженности между конкурирующими исламскими конфессиями, претендующими на статус «официального», «истинного» ислама.

7. Умеренное крыло консервативного салафизма не нашло своего правового признания в РД. Неформально такая религиозная структура в исламском сознании республики существует. Имеют место салафитские мечети. В то же время салафитская умеренность – явление неустойчивое, склонное к развитию в направлении радикального ислама.

8. Умеренность официального ислама в Дагестане связана с суфийскими традициями исламской нормативности. Его представители не призывают открыто, как это делали «ваххабиты», к насильственным действиям против государства. Это необходимый, но недостаточный показатель умеренности: а) официальный нормативный ислам в Дагестане (суфизм) придерживается идеологии жесткого такфиризма в отношении салафизма вообще, вплоть до требования физического уничтожения его представителей; б) адаптация к светской жизни понимается главным образом как необходимость её исламского переустройства; в) в его правотворческой деятельности не задействованы исламские процедуры иджтихада – главные инструменты развития исламского права, адаптирующие мусульман к явлениям общественного прогресса.

9. Социологические опросы показывают, что рядовые мусульмане в своём исламском сознании ломают некоторые традиционные для нормативного ислама требования к его адептам в направлении большей адаптированности к условиям жизни в светском государстве. В этом смысле их исламское поведение более умеренное, чем сознание носителей исламской нормативности. Но в «народном» исламе в его социологическом измерении мы наблюдаем не ислам, «переработавший» время, а ислам, «переработанный» временем, так как на такого рода изменения богословских санкций нет. Эта умеренность не имеет характер исламской аутентичности.

10. Исламские лидеры РД прилагают огромные усилия, чтобы вернуть ситуацию в «народном» исламе в русло требований консервативной исламской нормативности, которое граничит с проявлениями религиозных крайностей, не имеющих отношение к умеренности. Рядовому верующему навязываются как обязательные консервативные нормы исламского социального поведения, которые в корне противоречат и местной традиции, и условиям современной жизни (никаб, хиджаб, многоженство, антипатриотизм, второстепенность светских ценностей и др.). Эта деятельность имеет успех в исламской социализации молодёжи.

Литература

1. Али ал Гумуки. Об ал-иджтихаде и ат-таклиде // Газета «Джаридат Дагестан». 3–16 октября 1915. № 40, 41. Фонд восточных рукописей Института ИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 44.

2. Асхаб ар-Ра'й / А. Али-заде // Исламский энциклопедический словарь. – М., 2007. – 396 с.
3. Алиев, А. К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе / А. К. Алиев, З. С. Арухов, К. М. Ханбабаев. – М.: Наука, 2007. – 582 с.
4. Асанбеков, М. Проблемы определения предметной направленности понятия «умеренный ислам» / М. Асанбеков. – URL: <file:///C:/Users/User/Desktop/-Мукаммедий%20Асанбеков%20-%20Проблемы%20определения%20предметной%20направленности%20понятия%20«умеренный%20ислам»%20-%20Мнения%20АКИ-press.html> (дата обращения: 28.01.2022).
5. Асанбеков, М. Умеренный ислам как религиозная организация, исповедующая ислам ханафитского толка / М. Асанбеков. – URL: https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:10647 (дата обращения: 28.01.2022).
6. Атаев, Т. «Умеренный ислам» или умеренность в исламе? / Т. Атаев <https://islam.in.ua/ru/tochka-zreniya/umerennyu-islam-ili-umerennost-v-islame> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Ахтаев, А.-К. Сверяя время с первоисточником / А.-К. Ахтаев // Мусульманская цивилизация. 1995. № 2. – С. 98–103.
8. Баутдинов, Г. Российские предтечи евроислама / Г. Баутдинов // Независимая газета. 04.02.2004.
9. Емельянов, В. "Суфизация" российской уммы. Недавно принятая "грозненская фетва" предполагает навязывание всем мусульманам России "чеченской модели благочестия" / В. Емельянов. – URL: https://muslim.ru/articles/278/16162/?sphrase_id=13079 (дата обращения: 26.02.2023).
10. Гаврилов, В. Дрались за мечеть / В. Гаврилов // Труд. 12.04.2005.
11. Магомедов, Г. Что страшнее ваххабизма / Г. Магомедов // Регионы России. Независимая газета. 07.08.2000.
12. Галиуллина, С. Особенности влияния исламского радикализма на современный политический процесс в России / С. Галиуллина, А. Сулейманов, Г. Ниязова, Ю. Баулина // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20, вып. 4. – С. 92.
13. Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман Европейской части России и Крыма: коллективная монография / под ред. Р. Беккина. – М., 2021. – 280 с.
14. Камаев, А. Либеральная (прогрессивная) исламская теология в современной Германии: основные фигуры / А. Камаев // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15, № 4. – С. 195–208.
15. Коран / пер. с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 928 с.
16. Крачковский, И. Ю. Дагестан и Йемен / И. Ю. Крачковский // Избранные сочинения. Т. VI. – М.–Л., Издательство АН СССР, 1960. – С. 574–584.
17. Кулиев, Э. В переосмыслении религиозных ценностей нуждается всё общество / Э. Кулиев. – URL: <https://1news.az/news/20070828101511518-Elmir-Kuliev-V-pereosmyslenii-religioznykh-tsennostei-nuzhdaetsya-vse-obshchestvo> (дата обращения: 27.08.2024).
18. Левин, З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть? / З. И. Левин. – М., 2005. – 240 с.

19. Малашенко, А. В. Исламисты хлопают дверью? / А. В. Малашенко // Жиль Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма / пер. с фр. В. Ф. Денисова. – М.: Ладомир, 2004. – 468 с.
20. Мантаев, А. А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане / А. А. Мантаев диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2002. – 372 с.
21. Материалы международной богословской конференции «Российские мусульмане: права и обязанности». – Махачкала, 2014. – 187 с.
22. Милославский, Г. В. Абду (Абдо), Мухаммад / Г. В. Милославский // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – 316 с.
23. Мухаммад, Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе / Икбал М. Мухаммад. – М., 2002. – 200 с.
24. Мухидинов, Ш. Кому нужна модернизация ислама? / Ш. Мухидинов // Дагестанцы. 02.15.2004. № 2.
25. Набиев, Р. А. Ислам и государство / Р. А. Набиев. – Казань: Издательство Казанского университета, 2002. – 244 с.
26. Наумкин, В. В. Изучение исламского радикализма на постсоветском пространстве: концепции и подходы; доклад / В. В. Наумкин. – М.: Гуманитарий, 2004. – 21 с.
27. Нурудинов, Р. Ваххабизм – вирус в исламе / Р. Нурудинов // Ас-салам. 16.11.1998. № 20.
28. Полосин, А. В. Идеология умеренности в исламе / А. В. Полосин // Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму: материалы международной научно-практической конференции (г. Грозный, 24–25 ноября 2017 г.) / под ред. Х. Э. Таймасханова, В. Х. Акаева, М. И. Биалова. – Грозный: ФГУП Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. – С. 231–240.
29. Ражбадинов, М. З. Умеренный исламизм в Египте. На примере деятельности организации «Братья – мусульмане» / М. З. Ражбадинов. – М.: Русский язык, 2006. – 432 с.
30. Степанянц, М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике / М. Т. Степанянц. – М.: Наука, 1982. – 248 с.
31. Тагаев, А. Действительно пора назвать вещи своими именами / А. Тагаев // Новое дело. 14.05.2004. № 19.
32. Тауфик, Ибрагим. На пути к коранической толерантности / Ибрагим Тауфик. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – 288 с.
33. Тауфик, Ибрагим. Ас-Салафиййа / Ибрагим Тауфик // Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
34. Узунаев, Б. В поисках верных решений / Б. Узунаев // Свободная Республика. 20.10.2017.
35. Хаким, Рафаэль. Где наша Мекка? (Манифест евроислама) / Рафаэль Хаким. – Казань: Магариф, 2003. – 63 с.
36. Черниенко, Т. Опасная игра терминов и ее последствия / Т. Черниенко // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. – Прага, 2011.
37. Шаров, А. Драка после молитвы: Сунниты не поделили мечеть / А. Шаров // Российская газета. 11.04.2005.
38. Шевченко, М. Этноконфессиональные факторы единства России / М. Шевченко // НГ – Религии. 27.10.99.

39. Шихсаидов, А. Р. Ислам в Дагестане / А. Р. Шихсаидов // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5). – С. 98–107.

40. Эткин, М. Ваххабизм и фундаментализм: термины-«страшилки» (Лексикологические изыски противников ислама) / М. Эткин. – URL: https://cac.org.ru/journal/2000/journal_rus/cac07_2000/14.atkin.shtml (дата обращения: 21.08.2024).

41. Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.

42. Ярлыкапов, А. А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе / А. А. Ярлыкапов. – М.: УОП Института этнологии и антропологии РАН, 2000. – 22 с.

43. Яхъяев, М. Я. Опыт осмысления радикализации салафизма в Республике Дагестан / М. Я. Яхъяев // Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму: материалы международной научно-практической конференции (г. Грозный, 24–25 ноября 2017 г.) / под ред. Х. Э. Таймасханова, В. Х. Акаева, М. И. Билалова. – Грозный: ФГУП Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. – С. 300–305.

References

1. Ali al Gumuki. About al-ijtihād and at-taqlid. *Newspaper "Dzharidat Dagestan"*. October 3–16, 1915, no. 40, 41. *Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of AE FETS RAS. F. 7. Op. 1. Unit hr. 44.* (in Russian)

2. Ali-zade A. Askhab ar-Ra'y. *Islamic encyclopedic dictionary*. Moscow, 2007, 396 p. (In Russian).

3. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. *Religious-political extremism and ethno-confessional tolerance in the North Caucasus*. Moscow. Nauka, 2007. 582 p. (In Russian).

4. Asanbekov M. *Problems of defining the subject focus of the concept of "moderate Islam"*. – URL: [file:///C:/Users/User/Desktop/Муқанмедий%20Асанбетов%20-%20Problems%20of%20defining%20the%20subject%20focus%20of%20the%20concept%20%20"moderate%20islam"%20-%20Opinions%20AKIpress.html](file:///C:/Users/User/Desktop/Муқанмедий%20Асанбетов%20-%20Problems%20of%20defining%20the%20subject%20focus%20of%20the%20concept%20%20) (date of access: 28.01.2022). (In Russian).

5. Asanbekov M. *Moderate Islam as a religious organization professing Islam of the Hanafi school*. – URL: https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:10647 (accessed: 28.01.2022). (In Russian).

6. Atayev T. "Moderate Islam" or moderation in Islam? – URL: <https://islam.in.ua/ru/tochka-zreniya/umerennyy-islam-ili-umerennost-v-islame> (date of access: 20.01.2022). (In Russian).

7. Akhtayev Akhmad-Kadi. Checking time with the original source. *Muslim civilization*. 1995, no. 2, pp. 98–103. (In Russian)

8. Bautdinov G. Russian forerunners of Euro-Islam. *NG*. 04.02.2004. (In Russian).

9. Valery Emelyanov. "Sufization" of the Russian Ummah. *The recently adopted "Grozny fatwa" suggests imposing the "Chechen model of piety" on all Muslims in Russia*. URL: https://muslim.ru/articles/278/16162/?sphrase_id=13079 (date accessed: 26.02.2023). (In Russian).

10. Gavrilov V. Dralis for the mosque. "Trud". 12.04. 2005. (In Russian)

11. Gadzhi Magomedov. What is more terrible than Wahhabism. "Regions of Russia" – "Nezavisimaya Gazeta". 07.08.2000. (In Russian).

12. Galiullina S., Suleimanov A., Niyazova G., Baulina Yu. Features of the influence of Islamic radicalism on the modern political process in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. Volume 20. Issue 4. Sweden. 2017. P. 92.
13. "Islam with a peaceful and kind essence." *Discourse on traditional Islam among the Muslim Turks of the European part of Russia and Crimea*. Collective monograph edited by R. Bekkin. Moscow, 2021. 280 p. (In Russian).
14. Kamaev A. Liberal (progressive) Islamic theology in modern Germany: main figures. *Islam in the modern world*. 2019. Vol. 15, no. 4, pp. 195–208. (In Russian)
15. *The Koran*. Translation from Arabic and commentary by M.-N.O. Osmanov. Moscow, Scientific Publishing Center "Ladimir". Moscow, 1999. 928 p. (In Arabic and Russian).
16. Krachkovsky I.Yu. Dagestan and Yemen // Selected Works. T. VI. *Publishing House of the USSR Academy of Sciences*. Moscow.–Leningrad, 1960, pp. 574–584. (In Russian).
17. Kuliev E. *The whole society needs to rethink religious values* – URL: <https://1news.az/news/20070828101511518-Elmir-Kuliev-V-pereosmyslenii-religioznykh-tsennostei-nuzhdaetsya-vse-obshchestvo> (date of access: 27.08.2024). (In Russian).
18. Levin Z.I. *Reform in Islam. To be or not to be?* Moscow, 2005. 240 p. (In Russian).
19. Malashenko A.V. Islamists slam the door? *Gilles Kepel. Jihad: Expansion and Decline of Islamism/Translated from French by V.F. Denisov*. Moscow. Ladimir, 2004. 468 p. (In Russian).
20. Mantaev A.A. "Wahhabism" and the political situation in Dagestan. *Dissertation for the degree of candidate of political sciences*. Moscow, 2002. 372 p. (In Russian).
21. *Materials of the international theological conference " Russian Muslims: Rights and Responsibilities*. Makhachkala: 2014. 187 p. (In Russian).
22. Miloslavsky G. V. Abdu (Abdo), Muhammad. *Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow, 1991. 316 p. (In Russian).
23. Muhammad Iqbal M. *Reconstruction religious thought in Islam*. Moscow, 2002. 200 p. (In Russian).
24. Mukhidinov Sh. Who needs the modernization of Islam? "Dagestanis", no. 2, 02. 15. 2004. (In Russian).
25. Nabiev R.A. *Islam and the state*. Kazan, Kazan University Publishing House, 2002. 244 p. (In Russian).
26. Naumkin V.V. *Study of Islamic radicalism in the post-Soviet space: concepts and approaches: report*. Moscow. Gumanitariy, 2004. 21 p. (In Russian).
27. Nurudinov R. Wahhabism – a virus in Islam. *As-Salam*, no. 20. 11.16.1998. (In Russian).
28. Polosin A.V. Ideology of moderation in Islam. *Mobilization of ethnocultural resources as the most important factor in counteracting extremism and terrorism. Proceedings of the international scientific and practical conference. Grozny, November 24–25, 2017* / Ed. H.E. Taymaskhanova, V.Kh. Akaeva, M.I. Bilalova. Grozny: FSUE Publishing and Printing Complex "Groznsky Rabochy", 2018, pp. 231–240. (In Russian).
29. Rajbadinov M.Z. *Moderate Islamism in Egypt. On the example of the activities of the organization "Muslim Brotherhood"*. Moscow. Publishing House "Russian Language", 2006. 432 p. (in Russian)
30. Stepanyants M.T. *Muslim concepts in philosophy and politics*. Moscow, Publishing House "Science", 1982. 248 p. (in Russian).
31. Tagaev A. It is really time to call things by their proper names. *Novoe Delo*. No. 19. 14.05.2004. (In Russian).
32. Taufik Ibrahim. *On the way to Koranic tolerance*. Nizhny Novgorod, Medina Publishing House, 2007. 288 p. (In Russian).
33. Tawfiq Ibrahim, A.G. Sagadeev. *As-Salafiyya. Islam. Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Nauka, 1991. 315 p. (In Russian).

34. Uzunaev B. In Search of the Right Decisions. *Free Republic*. 20.10.2017.
35. Hakim Rafael. *Where is Our Mecca? (Manifesto of Euro-Islam)*. Kazan: Magarif, 2003. 63 p. (In Russian).
36. Chernienko T. A dangerous game of terms and its consequences. *Islam in the North Caucasus: history and modernity*. Prague: 2011. (In Russian).
37. Sharov A. Fight after prayer: Sunnis did not share a mosque. *Rossiyskaya Gazeta*. 11.04.2005. (In Russian).
38. Shevchenko M. Ethnoconfessional factors of the unity of Russia. *NG – Religions*. 27.10.99. (In Russian).
39. Shikhsaidov A. Islam in Dagestan. *Central Asia and the Caucasus*. 1999, no. 4 (5), pp. 98–107. (In Russian).
40. Etkin M. *Wahhabism and fundamentalism: “horror story” terms (Lexicological delights of opponents of Islam)* – URL: [//https://cac.org.ru/journal/2000/journal_rus/cac07_2000/14.atkin.shtml](https://cac.org.ru/journal/2000/journal_rus/cac07_2000/14.atkin.shtml) (date of access: 08/21/2024). (In Russian).
41. Yunusova A.B. *Islam in Bashkortostan*. Ufa, Ufa Printing Plant, 1999. 352 p. (In Russian).
42. Yarlykapov A.A. *The problem of Wahhabism in the North Caucasus*. Moscow. UOP Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2000. 22 p. (In Russian).
43. Yakhyaev M.Ya. Experience of understanding the radicalization of Salafism in the Republic of Dagestan. *Mobilization of ethnocultural resources as the most important factor in countering extremism and terrorism. Proceedings of the international scientific and practical conference. Grozny, November 24–25, 2017 / Ed. by H.E. Taimaskhanov, V.Kh. Grozny: FSUE Publishing and Printing Complex "Groznsky Rabochy", 2018, pp. 300–305. (In Russian).*